

*Майклу,
который умеет
разбирать разные вещи*

— Наши дни —

— *Разоблачение означает свободу.*

Сьюзи шептала слова ему на ухо; каждый слог дышал жаром и извращенностью. Она сияла и лучилась, — ей по-прежнему двадцать один год, — и поэтому она пылала лютой потребностью изнасиловать весь мир.

Мертвые не стареют.

Он завязал узел неторопливыми, уверенными движениями, потом забрался на стул и перебросил веревку через одну из потолочных балок на кухне. Старых, вручную вытесанных балок, которые строитель привез с хозяйственного склада. Они напоминали ему о Вермонте... об избушке возле озера.

Он мысленно вернулся на десять лет назад и увидел Сьюзи, выходящую по тропе на поляну с удочкой в одной руке и связкой рыбы в другой: окунь, солнечник, форель. Рыбины блестели, как драгоценные камни, нанизанные на плетеный нейлоновый шнур, искусно пропущенный через рты и плавники.

Сьюзи двигалась плавной, танцующей походкой; длинная шелковая блуза колыхалась вокруг нее. Казалось, будто ветер несет ее, поддерживая и покачивая, как воздушный змей.

Сьюзи подмигнула ему.

Он любил ее.

Он ненавидел ее.

Он не хотел тогда быть там, но и не видел способа уйти оттуда. Когда попадаешь в орбиту Сьюзи, то уже невозможно оторваться от нее.

Остальные собирались вокруг, когда она положила рыбу на стол, чтобы почистить ее. Она сняла форель с нейлонового шнура, выложила на расстеленную газету и ножом разрежала ей брюхо от жабр до клоаки. Рыба раскрыла рот, словно звала на помощь. Сьюзи улыбнулась, показывая кривые зубы, и аккуратно запустила пальцы внутрь, расширяя разрез. Чешуя натянулась, когда изнутри донесся влажный, чавкающий звук.

— Для того чтобы понять природу вещи, ее нужно разобрать на части, — сказала Сьюзи и вытащила липкий комок внутренностей, радужно переливающийся на солнце.

— Ты на самом деле никогда не понимал этого, пупсик? — услышал он вновь ее шепот в своем ухе.

— Нет, — ответил мужчина, набрасывая петлю на шею и доставая из кармана открытку, чтобы последний раз взглянуть на нее. — Но теперь понимаю.

Он сделал шаг со стула.

Открытка выскользнула из его пальцев и медленно упала на пол, переворачиваясь на лету, — лось, слова, лось, слова, — пока не приземлилась, и он последний раз увидел тщательно выведенные печатные буквы, прежде чем потерять сознание:

РАЗОБЛАЧЕНИЕ = СВОБОДА

ЗДЕСЬ БЫЛИ
СЕРДОБОЛЬНЫЕ
РАЗОБЛАЧИТЕЛИ

— *Десять лет назад* —

Когда у Тесс отошли воды, она смотрела на давно забытый аквариум, устремив взгляд на тела лягушек, паривших как потерянные астронавты в раздутых скафандрах, — нечто, явно не от мира сего. Они были бледными и рыхлыми, потому что замерзали и оттаивали вместе с жестокими циклами зимы и лета. Тесс казалось, будто они застряли в чистилище, ожидая спасения, когда они восстали бы под ангельское кваканье из крошечной галактики застойных вод и воззвали бы к ней глубокими, гневными лягушачьими голосами: *Как ты могла оставить нас здесь? Как ты могла забыть?*

И они воняли. Боже, как они воняли! От них несло жестоким уединением, ужасной несправедливостью.

Было первое мая, и Тесс вместе с Генри пешком добрались до хижины, чтобы «оглядеться вокруг». Впрочем, никто из них не смог бы ответить, что они ожидали увидеть. И даже если бы они дали название тому, что надеялись найти, то не осмелились бы произнести вслух.

Тесс оставалась всего лишь неделя до предполагаемой даты родов, и поход был ее инициативой. Она считала, что они должны последний раз посетить

хижину, где был зачат их ребенок и где прошла такая важная часть их жизни. Дом вместе с его содержимым стоял заброшенным уже почти восемь месяцев, — с той ночи, когда умерла Сьюзи, — когда они ушли, ничего не взяв с собой, кроме одежды. Лето, проведенное здесь Сердобольными Разоблачителями, осталось замураванным в четырех стенах.

Дом был охотничьей хижинкой, построенной в конце 1960-х годов, куда можно было добраться только по старой лесовозной дороге, большую часть года непроходимой для автомобилей. Генри и Тесс выбрали пеший поход, так как дорога была еще топкой и грязной после таяния снега и весенних дождей. Сама хижина находилась на поляне у вершины крутого холма: простая одноэтажная коробочка размером двадцать на тридцать футов с коньковой крышей, под которой хватало места для мансардной спальни наверху. Домик был обшит клееной фанерой, некогда выкрашенной в красный цвет, но с годами выцветшей и покоробившейся, местами погрызенной дикобразами, имеющими слабость к дереву, клею и человеческим трудам. Крыша была покрыта проржавевшей листовой жестью, усыпанной сосновыми иголками и кленовыми листьями, образовавшими плотный компост, из которого выбивались кленовые побеги, лишенные возможности для полноценного роста.

Они вышли на поляну, тяжело дыша от напряжения; их обувь покрылась коркой грязи, мошка сердитым облаком роилась над ними. Несколько раз по пути Генри предлагал повернуть назад. Он беспокоился за Тесс, которой, с ее большим животом, было трудно идти даже по ровной местности, уже не говоря о подъеме в гору. Конечно, это было нехорошо для нее и ре-

бенка. Но Тесс была намерена придерживаться плана и добраться до вершины.

Справа от поляны начиналась тропа, ведущая к воде. Озеро вместе с его окрестностями было охраняемым водосборным бассейном с угрожающими табличками «Нарушители будут оштрафованы», приколочеными к деревьям примерно через каждые тридцать футов. Озеро, обозначенное на картах всего лишь как «озеро № 10», было недоступным с главной дороги, и их хижина была единственной, стоявшей неподалеку от берега. Примерно через пятьдесят футов от подъезда к домику было ответвление, выходящее на маленький пляж, но из-за кустов и сорняков дорога стала почти неразличимой. В любом случае, туда можно было попасть либо пешком, либо на полноприводном автомобиле. Они даже не пытались подъехать на фургончике Генри, уверенные в том, что потеряют выхлопную трубу или пробьют бензобак. Они провели там целое лето и не увидели ни одного человека рядом с озером.

Перед хижиной валялись два мусорных ведра, содержимое которых рассыпалось широким веером: ржавые консервные банки, бутылки из-под вина, изорванные пластиковые коробки. Генри поднял растерзанную банку сиропа «Хершис».

— Медведи, — сказал он.

Тесс кивнула и немного поежилась, изучая опушку леса на краю поляны. Генри бросил изуродованную банку и прикоснулся к плечу жены, как ему казалось, ободряющим жестом. Не ожидавшая этого, она удивленно вздрогнула, как будто его рука была толстой бурой лапой с острыми как бритва когтями.

— Извини, — пробормотал мужчина, уже понимая, что был прав с самого начала: им не следовало приходить сюда.

Над грубой тесаной дверью (которую Генри обнаружил открытой, как они оставили ее в конце августа) виднелась надпись: «Здесь были Сердобольные Разоблачители». Она была выведена смазанными черными буквами вскоре после их приезда в середине июня прошлого года, когда они собирались провести самое важное и увлекательное лето в своей жизни. Слова были способом пометить свою собственность, как городские шайки помечают свои охотничьи угодья с помощью граффити. Генри не мог вспомнить, кто написал их, — Тесс, Уинни или Сьюзи, — и это удивило его; он уже забыл этот фрагмент головоломки.

Вокруг хижины, как аллигаторы во рву, кружили кошки. Да, они забыли и про кошек. Не совсем забыли, но решили, что те куда-то убежали и нашли себе другой дом. Теперь кошки казались скорее дикими, чем ручными: шелудивые, кожа да кости, мех свалаясь, глаза слезятся, уши порваны. Постепенно их становилось больше, пока Генри и Тесс не оказались в окружении десяти или двенадцати отощавших кошек, как будто помнивших о том, что эти люди раньше кормили их. Кошки мяукали и протяжно сипели; их голоса были визгливыми, умоляющими и становились более настойчивыми после того, как они последовали внутрь за Генри и Тесс. Генри отбрыкивался от них, а Тесс направилась на кухню.

— Может быть, мы оставили немного кошачьего корма, — сказала она. — Если есть вода, я могла бы подмешать сухое молоко.

Генри лишь закусил губу, хорошо понимая, что бесполезно останавливать ее.

Воздух в хижине был спертый и пах мышами; кисловатая вонь исходила от стен и потолка, где воображение Генри рисовало мышинные гнезда, ходы и целые городки, прогрызенные в рваном утеплителе и пропахшие экскрементами многих поколений жильцов. Но за мышинным запахом скрывалось нечто более угрожающее: сырой привкус гнили и разложения.

— Должно быть, там какой-то мертвый зверек, — сообщил Генри, стоявший рядом с входной дверью. — Наверное, одна из кошек застряла и не смогла выбраться.

Тесс что-то проворчала в ответ, сосредоточенная на своих поисках среди кухонных шкафчиков.

Первый этаж хижины представлял собой одно большое помещение, разделенное на гостиную, кухню и столовую. В дальнем конце гостиной с потолка свисали портьеры, отгораживавшие место, где спали Сьюзи и Уинни. Даже сейчас Генри не стал отодвигать занавес, не желая нарушать их уединение. Вместо этого он обратил внимание на стул у окна, стоявший слева от портьеры, и ощутил легкую тошноту, когда увидел обрывки веревки, обмотанные вокруг ручек и ножек. Он помнил ощущение жесткой щетинистой веревки, ворочавшейся в его руках, словно непоседливый зверек, когда он вязал узлы.

«Крепче, Генри, — сказала ему Сьюзи. — Вяжи крепче».

— Тунец! — воскликнула Тесс, державшая в руке две консервных банки, и повернулась к шкафу, чтобы достать банку сгущенки. Ее огромный живот уперся в столешницу, и она торжествующе вскрикнула. Кошки громко замыкали. Генри перевел дух и продолжил